

Известно, что театр, как и прочие явления культуры, да и жизни в целом, прирастает молодыми. Что касается искусства сцены, то этот прирост ныне весьма ощутим — порой счет идет не на отдельные личности, а на целые театры, которые способны не только разнообразить, но и кардинально обновить сценический процесс. Насколько гармонично и одновременно сложно происходит творческая эволюция от студента к профессиональному актеру, мы попытались поразмышлять на этой полосе.

Три года назад Григорий ДИТЯТКОВСКИЙ набрал курс в СПЛОГАТИ. Курсовой спектакль "Нужен перевод", поставленный на учебной сцене БДТ в декорациях Эмилия Капелюша, выходит за рамки учебной работы и в новом сезоне войдет в репертуар как готовый продукт. Пьеса современного ирландского драматурга Брайена Фрилла повествует о том, как в 1883 году в ирландскую деревушку пришли английские военные топографы для съемки территории и переименования гельских названий на английский лад. Но оказывается, что вопреки географической близости двух цивилизаций между ними лежит культурная пропасть — ирландская культура, даже на самом бытовом уровне, ориентирована на средиземноморскую античную мифологию, а древние языки изучаются, как имеющие практическое применение, даже в бедной деревенской школе. Стереоскопическую, с многочисленными переплетавшимися сюжетными линиями, смыслами и монологами на древних языках пьесу (конечно, о любви) студийцы, все, включая Хор (еще одна ссылка на античную традицию), играют как собственное открытие, кропотливо продолжая процесс постижения в ходе спектакля. Что тогда подлинный профессионализм, если не такая игра живую?

— Григорий, насколько я знаю, педагогика влекла вас давно, вы периодически преподавали за границей. Почему так долго не складывалась ваша педагогическая карьера в России?

— Во мне всегда боролись два человека, потому что как педагог я часто противоречу себе — режиссеру. А как режиссер терпеть не могу того, что мне говорит педагог. Что касается этого спектакля, здесь я, как режиссер, понимал крайнюю необходимость своего в нем участия. И припер себя к стенке, потому что понимал, что никто лучше меня не подойдет.

— А что говорил педагог?

— А педагог в данном случае меня очень укорял, потому что в этом есть момент безответственности: я не смогу что-то проконтролировать. Кроме того, это достаточно мучительно, когда ты не можешь полностью отдаться роли, ты должен следить за тем, что делают твои ученики. Дай бог не забыть, что все это — игра! И этой игре надо учиться — в хорошем смысле.

— Немножко безответственное заявление для педагога. Дело-то серьезное.

— Не безответственное. Это — тема для очень большого интервью, если не для книги. Игра — самое святое, самое уязвимое понятие. Как играют дети? Не для чего! Русский артист часто путает свои собственные понятия о серьезе со сценическим существованием. А ведь играть можно и в самые трагичные вещи! Играть — это не лгать! Ни в коем случае! Играть — это воображать. Актер должен пони-

ГРИГОРИЙ ДИТЯТКОВСКИЙ:

Культура — нояб. — 29
История — 5 июля — 0. 11.

Все это — игра!

Г. Дитятковский

мать, как только он из игры выходит, он попадает в какую-то биологическую зависимость, из которой никогда не выберется.

— Импровизация?

— Пусть будет импровизация. Вообще, слово импровизация интересно тем, что происходит от слова "improve" — "улучшать". И если его правильно употребить, то это значит "улучшить то, что написано другим". Импровизация — это прежде всего удивительное знание материала. Когда Юджи давал свой материал артистам "Комедия дель арте", он понимал, что они знают наизусть такое количество монологов, у них такое количество заготовок, что им нужна только схема: здесь — любовь, здесь — страсть, здесь — измена. Он писал эту схему, а дальше они сочиняли все сами — импровизировали.

— А вы учите своих учеников такой импровизации?

— Конечно. Две песни, которые звучат в этом спектакле, — их собственное сочинение.

— Вы проверяли их сочинительские способности, когда набирали курс?

— Нет, конечно! Они должны сначала познакомиться с тем, как сочиняли другие. Надо знать и не бояться использовать. Энергия творения заново. В этом смысле. Конечно, надо изучать хорошую драматургию и хорошую поэзию. Хорошие формы.

— Откуда взялось это студийное помещение на территории БДТ?

— На самом деле оно строилось под офис. Но благодаря участию Кирилла Юрьевича Лаврова было переоборудовано таким образом, что теперь там есть все для автономного существования студии — два этажа, на втором этаже — лекционная комната со специальной мебелью, есть репетиционные, сценическая площадка, примерные, душевые... теперь есть и отдельный вход. Это практически здание отдельного театра. Это мой курс Академии при БДТ, академия сказала "спасибо!", потому что в здании на Моховой нет помещения. А здесь на первых курсах я сделал так, чтобы все преподаватели ходили к нам. Таким образом, у моих студентов было совершенно элитарное образование! Со второго курса пошли потоки, и все общеобразовательные предметы они ходят изучать на Моховую.

— Сколько часов в день вы с ними работаете?

— Сутками. Они практически здесь живут. И в этом смысле большое счастье, что здесь есть условия, чтобы и отдохнуть, и продолжать работу.

— Живут ли в монастыре, то ли в оранжерее...

— А иначе ничего не получится.

— Вам удается в вашей "оранжерее" культивировать образованность?

— Образованность — это способность сочувствовать, а не формальное знание. Образованность — это определенное качество, дающее нам возможность быть чутким. Если вы можете волноваться по поводу того, что произошло в Освенциме, — вы образованный человек.

— Но мы сейчас говорим, скорее, о нравственных категориях...

— Исключительно! Для меня образованность — прежде всего готовность к чувствуванию и к чувственному освоению очень многих вещей. Я могу при этом многого не знать, но — слышать. Образованный человек услышит молитву божью — при этом он может не знать, когда и кем она написана, когда надо молиться, может не знать значения некоторых слов.

— Поразительно, насколько осмысленно, с выражением, говорит свои монологи на латыни Женья Черненко.

— Знаете, сколько он успел выучить по-латыни? Сын погибшего шахтера из небольшого уральского городка, знает, как он тщательно заучивал ударения, какую провел работу? Он прибежал ко мне (помните, там Джими Джек цитирует Горация, агрокультурные сборники?), он прочитал их все и говорит: как здорово! Маме расскажу, как нужно сажать растения на даче. Там же все написано! Для дачников! Дачники должны читать Горация!

— Вопрос на засыпку: а вы что читали из древних до того, как решили ставить эту пьесу?

— Горация читал, Плиния читал. Латинский язык стал изучать вместе со студентами. Сейчас запустил, но есть надежда, что продолжу обучение. Латинский язык очень развивает и ориентирует.

— В Мельбурне вы поставили "Дети солнца" М. Горького со студентами-выпускниками, вы там преподавали?

— Большею частью был приглашен в VCA (Victorian college of art) как режиссер на финальный курс. Там существует практика, когда город дает деньги на приглашение профессионального режиссера, который ставит выпускной спектакль. Мне очень понравилась эта система: отсматривают перспективный курс, дают деньги на декорации и на режиссера. Спектакль ставится пять — шесть недель, как это бывает там в профессиональном театре.

— Для вас это была крайняя ситуация? Поставить профессиональный спектакль за шесть недель с учениками?

— Со студентами это, конечно, проблема. Но, как только ты попадаешь в ситуацию сватовства производства и творчества, как только попадаешь туда, где они стремятся слиться, это дает хороший результат. Как только мы их разделяем, появляется, с одной стороны, дух самостоятельности, а с другой стороны, что-то чиновничье.

— Вы преподаете на английском?

— Да! Английскому языку меня научил Михаил Федорович Стронин, который перевел, в частности, пьесу "Нужен перевод" и еще несколько пьес Фрилла. Мы познакомились в Малом драматическом театре, прослужали там примерно одинаковое количество лет и как-то сблизилась творчески. Я ушел раньше, он — позже. И я сделал все, чтобы он на моем курсе два года преподавал английский язык.

— В Мельбурне вы только поставили спектакль или был еще какой-то процесс преподавания до этого?

— Я был приглашен как guest-director. Начинать с того, что какое-то вре-

мя занимался со студентами. А потом отбирал с этого курса людей, с которыми ставил спектакль. Это было мое условие, и это было очень здорово.

— А вы чему-то учитесь у студентов?

— Я-то прежде всего и учусь!

— А вы им говорите об этом: "Ты сейчас сделал открытие! Я никогда и не думал, что можно вот так!"

— Иногда говорю! Даже Товстоногов говорил: "Лучший способ обмануть — это говорить правду!" Нельзя скрывать своих целей, нельзя скрывать того, чего ты от них хочешь.

— Что необходимо знать обеим сторонам, участвующим в процессе обучения, чтобы отношения между ними складывались оптимально?

— Понятие "студент" во многом родственно понятию артист, и по большому счету, подлинно профессиональный актер отличается от непрофессионального тем, что берет во внимание только профессиональные замечания. А студент, как правило, обижается. Когда мне говорят, что студента надо хвалить, отношусь к этому скептически. Его надо не хвалить, не жалеть, а учиться заниматься только делом. Это профессионализм. Я поэтому и говорю, что мне нравится чувствовать себя дураком, учиться. Потому что это самое большое наслаждение в жизни. Николай Павлович Акимов в таких случаях говорил: "Театру, который достиг совершенства, уже нечем помочь." Потому что ты все равно меньше того, что ты делаешь, ты все равно меньше того материала, который ты берешь. Несозмеримо меньше. Ты — то, что в этот материал вливается. Расслабься, увидь и получай удовольствие от того, что ты адекватно воспринимаешь этот мир и изучаешь его. И не надо по этому поводу обижаться. "А я думаю иначе". Думай, кто же мешает? Вот это и есть обучение.

— А это педагогично — вот так, на равных? Ученики должны об этом знать?

— Мы — не на равных. И в то же время — на равных. Есть правила игры, а есть принципиальные вещи. Это не значит, что кто-то может сидеть, положив ноги на стол, или плевать на пол. Но я изначально очень верю в одно: обучение — это желание увидеть то, что есть на самом деле, а не то, чего тебе бы хотелось. Только так и не иначе. Это именно творческий процесс. Надо постоянно самого себя творить.

— Насколько я понимаю, несмотря на то, что опыт преподавания у вас был, педагогической деятельностью вы занимаетесь недолго?

— Мой курс закончил третий год обучения.

— Как вы думаете, на какой стадии постижения профессии вы находитесь как педагог?

— Нахожусь на стадии крушения иллюзий. Это замечательно! Это значит, я — живой. На следующий год буду начинать все с нуля.

— Существует ли какая-то совместная жизнь ваша и ваших студентов вне аудитории? Вы как-то руководите их вкусами?

— Делаю элзовещие поползновения. Я активно их водил по выставкам, по всяким музеям. Не вообще, а отбирал. Например, Музей Блока. Мне казалось очень важным, чтобы они знали об этом человеке, который был, в частности, одним из основателей БДТ.

Беседу вела
Светлана СМЕРНОВА
Фото ИТАР-ТАСС